

хологии», вызывает у буржуазного читателя «сильные переживания, проинкнутые антифеодалным духом», а у крестьян — «ряд болезненно-жгучих переживаний антифеодалного характера».³²

Приведенные взгляды В. А. Келтуялы представляют для нас особый интерес благодаря тому, что этот автор был одним из немногих «вульгарных социологов», специально занимавшихся древней русской литературой. Попытку пересмотреть историю древней русской литературы с социологических позиций В. А. Келтуяла предпринял еще до революции, в 1908—1913 гг. В своем «Курсе истории русской литературы» В. А. Келтуяла решительно и во многом справедливо выступал против весьма распространенного в дореволюционной науке взгляда, согласно которому «культурным и идейно литературным творцом» древнерусской литературы было «некоторое коллективное целое, называемое „народом“, представляемое однородным по своему составу и окрашиваемое в демократические и в то же время простонародные цвета, заимствованные по преимуществу из крестьянской среды».³³ В противовес этому «народническому» представлению В. А. Келтуяла, отмечая резкую классовую дифференциацию русского народа уже в период образования Древнерусского государства, утверждал, что «подлинным творцом древнерусской национальной культуры, древнерусской литературы и древнерусского мировоззрения был не „народ“, представленный в демократических и простонародных или крестьянских очертаниях, а небольшая часть народа, именно его правящий класс».³⁴ Народная масса усвоила «обломки аристократической культуры» Древней Руси лишь задним числом (не ранее XVII в.), когда профессиональные певцы-поэты (скоморохи) были изгнаны на север и когда после реформы Никона мировоззрение, созданное «правительственной боярской партией, иосифлянами», было объявлено «противоправительственным» и попало в «простонародную среду», породив раскол.³⁵

Весьма типичной для общей концепции В. А. Келтуялы была, в частности, характеристика, данная им двум направлениям в литературе и публицистике конца XV и XVI в. — «нестяжательству» и «иосифлянству». Характеристика эта была построена на основе излюбленной «вульгарными социологами» «психоидеологической» теории, согласно которой эмоциональное состояние автора выводилось прежде всего из исторических судеб его класса («молодого», «подымающегося» или «уходящего», «упадочного»). Нестяжательское направление, по мнению В. А. Келтуялы, развивалось в среде выходцев из высшего боярства. Возвышение Москвы приводило к разорению и падению этой общественной группы, в боярских семьях воцаряется «отчаянье, или, по крайней мере, угнетенное состояние духа», встает вопрос: «За что?», бояре принуждены уйти из привычной среды и местности, они становятся отшельниками. И вот под влиянием катастроф, обрушившихся на боярство, складывается нестяжательство, основными чертами которого являются: 1) строгая дисциплина духа как «результат тяжелых катастроф», 2) критическое отношение к «божественному писанию» как «результат перенесения в область религии привычки критически относиться к предложениям князя», 3) сочувствие удельно-феодалному строю и независимое, «полное достоинства отношение к мос-

³² Там же, стр. 44—45.

³³ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. 1. Пособие для самообразования. История древней русской литературы, кн. 2. СПб., 1911, стр. III (это предисловие было потом переиздано во втором издании «Курса»: ч. 1, кн. 1. СПб., 1913, стр. III).

³⁴ Там же, стр. IX—XI.

³⁵ Там же.